

КАК КОШКА
СМОТРЕЛА
НА КОРОЛЕЙ
И
ДРУГИЕ
МЕМУАРАЗМЫ

ВЕРА
МИЛЬЧИНА

Вера Аркадьевна Мильчина Как кошка смотрела на королей и другие мемуаразмы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67316850

*Как кошка смотрела на королей и другие мемуаразмы: Новое
литературное обозрение; Москва; 2022
ISBN 9785444816936*

Аннотация

Вера Аркадьевна Мильчина – ведущий научный сотрудник Института Высших гуманитарных исследований РГГУ и Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС, автор семи книг и трех сотен научных статей, переводчик и комментатор французских писателей первой половины XIX века. Одним словом, казалось бы, человек солидный. Однако в новой книге она отходит от привычного амплуа и вы ступает в неожиданном жанре, для которого придумала специальное название – мемуаразмы. Мемуаразмы – это не обстоятельный серьезный рассказ о собственной жизни от рождения до зрелости и/или старости. Это ряд коротких и, как правило, смешных зарисовок. Герои «мемуаразмов» – люди серьезные и знаменитые: Михаил Бахтин, Георгий Кнабе, Владимир Топоров, Омри Ронен и другие. Но все они предстают в непривычном ракурсе. А кроме того здесь рассказы о том, как люди покупали и «доставали»

книги в советское время, о том, как боролись с крамолой советские цензоры, о французах, приезжавших в Советский Союз, и о иезуитах славистах, преподававших русский язык во Франции. Главный же герой книги – это язык и языковая игра. Большая и лучшая часть рассказанных историй посвящена словам – произнесенным, услышанным, напечатанным, уместным и неуместным, точным и неточным, шутливым и серьезным.

Содержание

Вместо вступления: и зайцы пишут	8
О себе и о книгах прочитанных и переведенных	12
Об отце и о том, как он начал собирать библиотеку	12
Откуда брались книги: Книжная экспедиция и книжный обмен	15
О словаре Ларусса	19
Терапевтическое воздействие романа «Москва – Петушки»	24
Манн и Бахтин: два первых сильных впечатления от литературоведческих книг	27
Семинар Турбина и знакомство с Бахтиным	29
Школа, аспирантура, Шатобриан, Профком литераторов	33
Первый перевод: «Пена дней» Бориса Виана	37
«Эстетика раннего французского романтизма» и труп марксистско-ленинского эстетика	39
«Роман» с Бальзаком	43
«Эпопея» с Кюстином: павловская денежная реформа, четыре русских издания и одно французское	46
Визит к фабриканту шампанского	51

Идите обязательно!	53
Книги о парижской повседневности: Мартен- Фюжье, Дельфина де Жирарден, Гримо де Ла Реньер, «Сцены частной и общественной жизни животных»	55
Книги о Париже	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Вера Мильчина
Как кошка смотрела
на королей и
другие мемуаразмы

Вместо вступления: и зайцы пишут

Я не собиралась писать мемуары, хотя, как у каждого человека, у меня накопилось энное количество тех сюжетов, которые Ахматова называла пластинками. Вдобавок некоторый «оперативный» мемуаризм, видимо, заложен в моей природе. Покойный Евгений Владимирович Пермяков, историк литературы, издатель и человек тонкого остроумия, однажды очень справедливо заметил: «Вера всегда должна в рассказе отступить назад». В самом деле, я никогда не могу коротко ответить на вопрос: что вы сейчас переводите/пишете? Всегда выходит так, что я отступаю назад и рассказываю предысторию.

До сих пор мне всегда казалось, что возраст для воспоминаний еще не наступил; но он ведь может и вовсе не наступить. А граница сейчас очень понизилась: люди пишут воспоминания и в 50 лет, и даже в 25. Тут мне сразу приходит на ум писатель Евгений Гребёнка, которого я процитировала во вступительной статье к переводу книги «Сцены частной и общественной жизни животных». Многие помнят, что он автор слов знаменитого романа «Очи черные», но мало кто, должно быть, знает, что он напечатал в 1840 году повесть «Путевые записки зайца», в начале которой дедушка повествователя, знающий все языки, включая звериные, говорит, что знаком с историей зайца, потому что читал его записки.

Внук удивляется: «Где же вы читали? разве зайцы пишут?» А дедушка отвечает: «Пишут; теперь все животные грамотны, и лесные, и полевые, и водяные: все пишут; даже насекомые имеют свою грамоту и своих писателей». И я, стало быть, тоже подалась в ряды этих зайцев, которые пишут.

Но этого, скорее всего, не произошло бы, если бы портал Gorky.media не попросил меня рассказать о моей «читательской и научной биографии» (спасибо главному редактору Дмитрию Иванову и приславшему мне вопросы Юрию Куликову). Рассказ опубликовали, и после этого разные добрые люди, не сговариваясь, принялись утверждать, что мне надо писать воспоминания. И в результате я им поверила.

Разумеется, я не буду писать «классические» мемуары, которые начнутся с чего-то вроде: «Я родилась 7 сентября 1953 года в роддоме на Маломосковской улице». Во-первых, сам этот факт мало кому интересен (кроме разве что «земляков», которые, например, родились в том же роддоме). А во-вторых, память моя устроена так, что воспоминания состоят из отдельных картинок, а выстроить их в сюжетную последовательность удастся далеко не всегда. Подозреваю, впрочем, что я не одна такая, просто люди, которые пишут «настоящие» мемуары, прослаивают свои картинки отчасти придуманными сюжетными связками, а потом сами начинают верить, что все так и было.

Ну вот, а я ограничусь картинками. Картинки, конечно, все из моей жизни, но настоящий их герой все-таки не я,

а язык и языковая игра. Большая и лучшая часть рассказанных здесь историй посвящена словам – произнесенным, услышанным, напечатанным и по преимуществу не совсем серьезным. Поэтому я даже придумала для этих историй специальное название – «мемуаразмы» (альтернативный вариант был – «маразмуары», но я решила, что не нужно так явно подсказывать оценку потенциальным критикам).

А чтобы все-таки начать с рождения и даже чуть раньше, вот две картинки, которые, впрочем, не мои воспоминания, а рассказы моей мамы. Она работала корректором в издательстве «Иностранная литература» (которое тогда еще не разделилось на «Мир» и «Прогресс»); корректором – потому что несмотря на красный диплом редактора, с которым она окончила Полиграфический институт, на редакторскую работу ни ее, ни моего папу никуда не брали из-за пресловутого «пятого пункта» – еврейской национальности. И вот в марте 1953 года, уже беременная, мама – «как все» – собралась сходить посмотреть, как хоронят Сталина; но сослуживицы не пустили, за что им большое спасибо, потому что в противном случае, боюсь, писать эти мемуаразмы было бы некому. Не меньшее спасибо этим сослуживицам за то, что на более поздних стадиях беременности они повесили напротив маминого рабочего стола большой плакат, на котором было, по рассказам мамы, изображено круглощекое румяное дитя, а под ним надпись «Расти, богатырь!». Когда я в студенческие годы пыталась сбросить лишний богатырский

вес, я этих сослуживиц поминала не очень добрым словом, а теперь глубоко раскаиваюсь: подозреваю, что мое в общем неплохое здоровье — это как раз плод разглядывания мамой того румяного богатыря.

Я анонсировала бессюжетные картинки, но чтобы кое-какой сюжет обозначить, повторю с дополнениями тот рассказ о своей читательской, переводческой и авторской биографии, с которого все началось, а потом продолжу его другими мемуарными зарисовками.

О себе и о книгах прочитанных и переведенных

Об отце и о том, как он начал собирать библиотеку

Разговор о чтении и книгах в моей жизни нужно, конечно, начинать с моего папы, Аркадия Эммануиловича Мильчина (1924–2014). Потому что я выросла в доме, где было очень много книг. Однажды уже в 1990-е годы некий мастер, пришедший к нам чинить какую-то сантехнику, был так поражен их обилием, что сказал: «Ну, если вам еще что-то понадобится, вы звоните, скажите: это из библиотеки!» Но когда в 1944 году мой папа приехал в Москву поступать в Полиграфический институт, у него не было не только книг, но и жилья, жил он у родственников, а на занятия ходил в дядиной шинели. И вот тогда он начал собирать библиотеку (он описал это в своих воспоминаниях, которые вышли в 2016 году в издательстве «Новое литературное обозрение» под названием «Человек книги. Записки главного редактора»). Началась библиотека с огромных и толстенных, альбомного формата изданий избранных сочинений классиков в одном томе. У нас они до сих пор сохранились: Стендаль в одном томе,

Байрон в одном томе, А. Н. Островский в одном томе и т. д. У Александра Константиновича Жолковского есть «карпалистическая виньетка» о том, как правильно держать книгу, читая лежа (<https://dornsife.usc.edu/alexander-zholkovsky/zv122>). Так вот, боюсь, что с этими томами даже Жолковский бы не совладал.

Сначала книги покупал папа, потом, когда я выросла и поступила на филфак МГУ, стала их покупать и я, и библиотека продолжала разрастаться. Сколько у нас книг, я никогда точно не знала. Вот сейчас попыталась посчитать – получилось тысяч двенадцать, но думаю, что на самом деле больше. И сколько из них куплено уже лично мной, тоже не очень понимаю, думаю, что треть, а то и половина. Но это библиотека не библиофильская, а рабочая: художественная литература, литературоведческие, исторические книги, и еще папины книги по редактированию и книговедению, которые после его смерти стоят, увы, невостребованными. Еще книги на французском языке. И еще немало новейших книг – и художественных, и исторических, – которые издатели присылали на рецензию моему сыну, книжному обозревателю Константину Мильчину, до того как переключились на присылку файлов в формате PDF; не все эти новейшие книги одинаково хороши и необходимы, но в доме оседают.

И в этой нашей библиотеке, страшно сказать, 45 книг – мои собственные. То есть моих авторских – 7, а остальные – переводы. У меня, кстати, свободной полки такой длины,

чтобы поставить их все подряд, нет. А вот друзья, которым я эти свои книги исправно дарила, говорят, что у них такие полки, где стоят только мои книги, имеются (то есть чужое жизненное пространство я загромождила).

Для примерно половины нашей библиотеки папа составил каталог и на каждой карточке обозначил, в каком шкафу книга стоит. Очень полезно, и когда я, проклиная себя, ищу какую-то книгу, которую купила в послекаталожную эпоху, то страшно жалею, что на эти книги у папы уже не хватило сил. Между прочим, это его каталожное предприятие отразилось в его трудах по теории и практике редактирования: в примерах я с радостью узнаю книги с наших полок. Прежде чем описать книгу на карточке, папа ее листал и – в большинстве случаев – замечал, что именно в ней сделано неправильно с точки зрения читательского удобства (об этом – его последняя книга «Как надо и как не надо делать книги: культура издания в примерах», вышедшая в «Новом литературном обозрении» в 2012 году).

Откуда брались книги: Книжная экспедиция и книжный обмен

Любопытный вопрос – каким образом книги покупались. Рассказываю не для своих ровесников и людей лет на двадцать моложе, а для тех, кто не застал советскую эпоху. Книги были дефицитом. Их не покупали, а «доставали». Тиражи-то были гораздо больше нынешних, но стоили книги дешево, а поскольку «окон в мир» у советских людей имелось немного (напоминаю, что тогда – в 1960-е и в 1970-е годы – не было ни интернета, ни ютуба, ни социальных сетей, а до определенного момента и видеопроигрывателей не было тоже), за хорошими книгами приходилось «охотиться». Тираж в 25 000 считался для хорошей книги по гуманитарным наукам маленьким; 25 тысяч не хватало. Впрочем, наша-то семья находилась в привилегированном положении. Поскольку папа с 1967 по 1984 год был главным редактором издательства «Книга», ему полагалась такая волшебная вещь, как «список» Книжной экспедиции. Это, собственно, и была единственная привилегия, которой он пользовался. Раз в месяц он получал тоненькую брошюрку с перечнем книжных новинок, нужно было отметить галочками те, которые ты хочешь купить, и через неделю приехать за ними, заплатить и забрать. С тех пор как я стала студенткой, занималась этим я. Но купить книги из списка для себя – много ума не надо.

Нужно было еще и помочь друзьям. Потому что теоретически в новый список можно было приписать несколько книг из старого, и если они на складе еще оставались, месяцем позже купить второй экземпляр. А номенклатурная публика, которая кормилась в этой самой Книжной экспедиции, далеко не в первую очередь интересовалась, например, книгами Лотмана и Успенского, и шанс получить их вторично был. Но для этого нужно было испросить разрешения у женщины, которая распоряжалась в Экспедиции. Женщину же эту я бы безо всякого кастинга определила на роль лагерной надзирательницы в любой фильм про Вторую мировую войну. Ей приписать условного Лотмана не стоило ровно ничего. Ей он был не нужен. Но когда я умильно просила ее: а вот можно еще приписать? – она бросала на меня взгляд. Он как бы говорил: «Вижу я тебя насквозь». Хотя ничего противозаконного увидеть, в сущности, было невозможно. Но в результате все удавалось, и я могла осчастливить кого-то из друзей дефицитными Лотманом, Успенским или еще чем-то в том же роде.

Это, впрочем, не все мелкие унижения, с которыми были связаны «доставания» книг. В «списке» редко бывали книги издательства «Наука». Зато там всегда присутствовали детские книги. А в гуманитарном корпусе МГУ был киоск издательства «Наука», и у тамошней продавщицы была маленькая дочка. И вот я приходила и вкрадчиво просила оставить мне, например, справочник Черейского «Пушкин

и его окружение». И спрашивала, не нужен ли продавщице, например, новый Успенский (в данном случае уже не Борис Андреевич, а Эдуард Николаевич). И она, как и женщина из Книжной экспедиции, смотрела на меня, как будто съела крысу без сахара, но Успенского милостиво принимала и Черейского откладывала. Потом, уже после 1991 года, на новом историческом этапе я ее встретила в качестве кассирши в книжном магазине «Наука». Какое счастье было просто заплатить деньги в кассе, ни о чем не прося.

А еще был книжный обмен! Тоже экзотика, о которой молодое поколение, думаю, не имеет ни малейшего понятия. Обмен был двух родов: официальный и неофициальный. Официальный – это значило, что в книжном магазине отгораживали закуток, человек приносил туда книгу, которая ему не нужна, сдавал «на комиссию» и оставлял список тех книг, которые хочет за нее получить. А другой человек приходил в магазин, смотрел, что там выставлено, и прикидывал, может ли он удовлетворить требования неизвестного сдатчика. Моей главной удачей на этом поприще был обмен книги «Дядя Федор, пес и кот» (опять Успенский) на «Двенадцать цезарей» Светония. Причем, неся домой Светония, я думала (и думаю до сих пор), что при таком обмене каждый считал контрагента круглым идиотом. Обменивать Успенского – на Светония! Обменивать Светония – на Успенского! Но я в этой комбинации была меньшим идиотом, у меня дома остался дубликат: и дядя Федор, и Матроскин, и Шарик (от-

личная книга, кстати, недооцененная как антикоммунистическая утопия: живет мальчик с котом и собакой в деревне, и ни тебе председателя колхоза, ни тебе секретаря райкома; от государства только почтальон Печкин).

А неофициальный обмен был разновидностью черного рынка. Установление контакта с людьми, бродившими, например, на Кузнецком мосту неподалеку от Книжной лавки писателей, начиналось с долгого и непродуктивного обмена репликами: «А что у вас есть?» – «А что вам надо?» – но иногда в конце концов все-таки удавалось выйти из этого коммуникативного тупика и договориться. Здесь моим главным триумфом был обмен с неким дяденькой с бегающим взором. Он мне – двухтомник Томаса Манна «Иосиф и его братья», а я ему – несколько томов старой «Библиотеки приключений». Причем сговорились мы с ним, когда я была на сносях, а выносила я ему на крыльцо «Библиотеку приключений», только что разродившись. Он галантно приехал к самому подъезду, за что ему спасибо.

О словаре Ларусса

Чтобы закончить разговор о моих книжных приобретениях, расскажу о главном и в, так сказать, количественном, и в качественном отношении. В 1984 году мне рассказали, что вдова переводчика Евгения Гунста продает принадлежавший ему энциклопедический словарь Ларусса (*Grand dictionnaire universel de Larousse*). 16 томов 1860–1870-х годов издания (15 томов от А до Z и 16-й дополнительный), каждый том весом килограмма два, если не три, страницы тончайшие, текст на каждой мельчайшим шрифтом в четыре колонки. Я этот словарь прекрасно знала, потому что до изобретения интернета комментировать французские реалии приходилось следующим образом: выписываешь интересующие тебя имена и события в блокнотик, идешь в библиотеку – Ленинку или Иностранку, там выписываешь из Ларусса или другого замечательного словаря то, что нужно, возвращаешься домой и на пишущей машинке (!) впечатываешь эти сведения в свой комментарий. Идея, что этого Ларусса можно иметь дома, была примерно так же правдоподобна, как и путешествие на Луну (или во Францию: до перестройки поездка во Францию была для меня ничуть не более реальна, чем полет на Луну). А стоил он 700 рублей, то есть полугодовую среднюю зарплату. У меня, впрочем, зарплат не было никакой, потому что я в течение всей советской эпо-

хи, с тех пор как в 1978 году окончила аспирантуру, была «пролетарием умственного труда» и зарабатывала на жизнь переводами. И как раз от предыдущего гонорара у меня эти 700 рублей остались, хотя ухнуть их все сразу в такую покупку было как-то страшновато. Но, с другой стороны, я понимала, что если откажусь, то потом буду жалеть всю жизнь. И я решилась и потом не пожалела ни разу, потому что количество информации, которую я из этого словаря извлекла для себя и для коллег, огромно (информации не всегда точной, порой основанной на слухах, сплетнях и анекдотах, но всегда колоритной и нередко уникальной). Единственный, пожалуй, его недостаток для комментатора – некоторые люди в нем родились, но не умерли. То есть про какого-нибудь литератора или политика, который умер в 1880-х или в 1890-х годах, Ларусс может сообщить только дату рождения. И приходится дату смерти отыскивать в других словарях, более поздних.

Я эту историю про покупку Ларусса рассказала более подробно в недавно вышедшей книге «И я и мебель моя. Истории, рассказанные экспертами и друзьями Школы „Репное“» (Воронеж: ПК «Ангстрем», 2020), посвященной прекрасной просветительской организации, действующей в Воронеже под названием «Школа эффективных коммуникаций „Репное“». Поскольку ее создатель Геннадий Чернушкин – владелец мебельного холдинга, то всем «экспертам и друзьям», кого попросили написать тексты в его честь, заказали

рассказ о какой-нибудь любимой мебели. Но моя мебель уж настолько ничем не примечательна, что рассказывать о ней я бы ни за что не стала. И рассказала вместо мебели – про словарь Ларусса (тоже в определенном смысле предмет интерьера). У Валерия Попова, чьи ранние рассказы (в отличие от его позднего творчества) я очень люблю, есть такой рассказ «На прощанье», где повествователь, переехавший на новую квартиру, в последний раз приезжает на старую и описывает, в частности, водосточную трубу, видную из окна, а потом парирует возражение воображаемого собеседника: «Ну вот, опять я про трубу! Ну и что? Нельзя? Про березки – можно, а про трубы – нельзя? А ведь для нас эти трубы – то же, что для деревенских березки». Ну вот, а мои «березки» – это словарь Ларусса. Кстати о сожалениях. Букинистические иностранные книги в 1970–1980-е годы можно было купить практически в одном месте – в книжном магазине на улице Качалова (ныне Малая Никитская). Но там все зависело от удачи, а она улыбалась далеко не всегда. И вот было несколько французских книг, которые я там видела, но – то ли по глупости, то ли потому, что денег при себе не было – не купила. И сколько лет потом эти некупленные книги, как пепел Клааса, стучали в мое сердце. Наступила другая эпоха, я попала во Францию и книги эти купила, вот они стоят на полке – но все равно очень ясно помню тогдашнее раскаяние: как же можно было упустить такую возможность?

Я сказала, что список Книжной экспедиции был един-

ственной папиной привилегией, но была еще одна, которую папа, впрочем, получил не по должности, а по дружбе. Благодаря замечательному Огану Степановичу Чубарьяну (отцу нынешнего академика), который был заместителем директора Ленинской библиотеки и очень хорошо относился к папе, свершилось настоящее чудо и мы (то есть папа) получили персональный абонемент в Ленинку. То есть могли брать книги – не все, но многие – домой. И этим пользовались не только мы, но и некоторые мои друзья; я для них тоже что-то заказывала. Позже нашим добрым ангелом в Ленинке стал недавно ушедший Эдуард Рубенович Сукиасян, великий знаток библиотечной классификации, и благодаря ему абонемент продлили. В 2000-е годы, когда папа работал над своей антологией «О редактировании и редакторах», ему эта возможность получать книги из Ленинки на дом очень пригодилась. Я притаскивала ему сумку книг, и он на компьютере «выпечатывал» из них нужные фрагменты. Кстати, чтобы показать, кто такие мои родители, достаточно одной сцены. Лето 2010 года, в Москве стоит нечеловеческая жара. А папа как раз заканчивает рукопись этой самой антологии о редактировании. И вот на окне висит мокрая простыня, чтобы было не так жарко, и родители (папа, напомним, 1924 года рождения и мама – 1927-го) занимаются сверкой: мама читает вслух, а папа следит за текстом на экране компьютера. Мама, Нина Ильинична Мильчина, кстати, тоже профессиональный редактор, и не было ни одной моей книги, в которой

она бы не нашла нескольких опечаток (хотя у моих книг были, как правило, очень хорошие корректоры). Просто некоторые люди не умеют читать внимательно, а мама и в 94 года не умела читать невнимательно. Мамы не стало в декабре 2021 года. И теперь я уже не услышу, как, читая очередную выпущенную мною книгу, она говорит, заметив мою оплошность: «Я, конечно, ничего не понимаю, но посмотри: разве это правильно?»

Терапевтическое воздействие романа «Москва – Петушки»

Чтением самиздата и тамиздата я тоже вначале обязана родителям. Хотя они ни в какой диссидентской деятельности не участвовали, но в редакции журнала «Полиграфия», где работала мама, были целых два человека, которые имели доступ к такой литературе; маме они доверяли и с ней делились. Ситуация, уже многократно описанная в мемуарах: мы получали – правда, не на одну ночь, а, как правило, на день-два – и «Раковый корпус», и в «Круге первом», и «Лолиту» («Лолита», кстати, кажется, была именно на одну ночь). А потом, когда я поступила на филфак, этой «просветительской деятельностью» занялись мои друзья, будущие филологи. Ну и, конечно, в ход шла пишущая машинка. Хотя перепечатывала я вещи сравнительно невинные, не политические: рассказы Хармса, стихи Бродского. И свою прекрасную бабушку Полину Михайловну, профессиональную машинистку-стенографистку, подключила к этому делу. Все как полагается, на тонкой бумаге, чтобы получилось как минимум четыре экземпляра (галичевские «четыре копии»), и один оставить себе, а три раздать друзьям. А большие самиздатовские книги, перепечатанные кем-то, иногда можно было купить, даже уже переплетенными. У меня был такой «Пушкинский дом» Битова и еще «Москва – Петушки».

Кстати, с романом Венедикта Ерофеева, который я до сих пор очень люблю и ценю, у меня связана забавная история о целительном влиянии чтения. История смешная, но целительное влияние было оказано вполне всерьез. Я защитила кандидатскую диссертацию 23 марта 1979 года, первой из всей нашей филологической компании, и перед защитой ужасно волновалась. До такой степени, что стала с утра перечитывать собственную диссертацию (а вдруг меня спросят: а что вот у вас такое написано на 168-й странице, а я не помню!!!), кроме отвращения, ничего не ощутила, решила для успокоения поесть и вдруг обнаружила, что от волнения не могу попасть вилкой в сосиску. Чем отвлечься? И я взялась перечитывать «с любого места» книгу Ерофеева (которую частично знала наизусть, но перечитывать это не мешало). Почитала полчаса, абсолютно успокоилась, с огромным сожалением оторвалась от «Петушков» и отправилась на защиту. Я думаю, что в моей жизни это самый показательный пример терапевтического воздействия литературы.

Между прочим, мой сын Костя, Константин Аркадьевич Мильчин, любит рассказывать, как я ему читала в детстве «Москву – Петушки», причем возраст, когда безумная мать приобщала ребенка к этому роману, при каждом следующем упоминании снижается, так что, боюсь, скоро выяснится, что он познакомился с произведением Ерофеева в младенчестве. Пользуюсь случаем официально заявить: ребенку было лет двенадцать, никак не меньше.

И еще об одном случае сильнейшего воздействия на меня произведения современной литературы нужно рассказать. В 1990 году, когда мы выписывали чуть не по десятку «толстых» журналов, поскольку в каждом из них появлялись какие-то интереснейшие произведения, не печатавшиеся в советские годы, я прочла в рижском журнале «Даугава» повесть совершенно не известной мне Нины Горлановой из Перми «Покаянные дни». Повесть состояла из автобиографических заметок; было видно, что писательница живет очень трудно, но при этом текст был полон такого сочувствия к тем, кому еще труднее, и «образ автора» вызывал такую огромную симпатию, что я – первый и последний раз в жизни – написала «письмо в редакцию». Точнее, это было письмо к Горлановой, а редакцию «Даугавы» я просила ей его переслать. Они просьбу выполнили, Нина Викторовна ответила – и с тех пор вот уже тридцать лет мы дружим и переписываемся. Причем самое потрясающее, что, как я потом узнала, эти «Покаянные дни» так сильно поразили не меня одну, и у Нины в ту пору образовалось (до всякого фейсбука) еще несколько эпистолярных друзей.

Манн и Бахтин: два первых сильных впечатления от литературоведческих книг

А что касается литературоведческих книг, которые произвели на меня еще в школе самое сильное впечатление, то их две. Первой была нетолстая книга, почти брошюра Юрия Владимировича Манна «Комедия Гоголя „Ревизор“», вышедшая в 1966 году в серии «Массовая историко-литературная библиотека» (кажется, это была не только первая книга Ю. В. о Гоголе, но и вообще первая его книга). Она была настолько непохожа на все те «разборы» литературы, которые предлагались в школе, что невозможно было поверить: оказывается, о литературе можно писать вот так?! Помню такую картинку: мы с родителями поехали к родственникам во Владимир, и я с просветительским пылом рассказываю кузине и кузену, своим ровесникам, совершенно не гуманитариям, о том, что вот есть такая замечательная книга о «Ревизоре», а они смотрят на меня с изумлением и явно мысленно крутят пальцем у виска. Ну а потом учительница литературы Глафира Павловна Каллистратова посоветовала мне прочесть «Проблемы поэтики Достоевского» Бахтина. Кажется, я была в десятом классе. Наверное, даже не просто посоветовала, а дала почитать? Очень стыдно, но точно не помню.

Но помню, что уж после этой книги вообще ни о чем другом невозможно было думать, кроме как о «чужом слове», «несобственно-прямой речи» и прочем. Тем более что я к этому времени Достоевского уже читала и от сцены самоубийства Кириллова в «Бесах» осталась в таком потрясении, что чуть не заболела. Глафире Павловне – которая была не каким-то суперпрогрессивным педагогом, а просто добрым и культурным человеком – я благодарна до сих пор за это «открытие» Бахтина.

Семинар Турбина и знакомство с Бахтиным

Тут нельзя не сделать отступление о Бахтине. Я когда-то о моем с ним знакомстве уже рассказала в интервью Arzamas-academy, но это было давно, и можно коротко повторить. Я поступила в МГУ на филологический факультет на романо-германское отделение, во французскую группу. Русскую литературу (прямо с XIX века; предполагалось, что более ранний период «зарубежникам» знать необязательно) у нас читал Владимир Николаевич Турбин, и юное девичье воображение он завораживал своими парадоксами: в 1970 году профессор с кафедры называет Черномора «летающим импотентом» – можно ли остаться равнодушными? Тем более что только потом выяснилось, что этот импотент летает у него на лекциях каждый год, а по первому разу это казалось блистательной импровизацией. Я не могу назвать себя последовательницей Турбина (в том и трагедия его, что у него всегда было много учеников, но не осталось последователей, школы), но могу сказать, что он в большой мере определил мой профессиональный путь. Ведь я занимаюсь русско-французскими культурными связями, то есть и русской литературой, и французской, именно благодаря тому, что все годы обучения на филфаке писала не только курсовые по французской литературе – обязательные, но и курсовые по

русской литературе – совершенно не обязательные: я по доброй воле занималась у Турбина в его семинаре по русской литературе, мне это было интересно. Ну вот, а Турбин был одним из тех филологов, которые разыскивали Бахтина еще в Саранске и потом по мере сил его опекали. Когда я поступила на филфак, Бахтин с женой Еленой Александровной жили в доме престарелых на станции Гривно (неподалеку от Подольска). И вот Турбин зимой отправил меня и мою подругу (и впоследствии сопереводчицу) Олю Гринберг в этот самый дом престарелых. Что-то нужно было туда отвезти. А Бахтин тогда еще не был утомлен визитерами, очень нам обрадовался и чуть не целый час он нам, восемнадцатилетним девчонкам, что-то рассказывал. Про атмосферу начала века, про Гумилева. Если бы вспомнить! Но, стыдно сказать, не помню. Ощущение чуда и перенесения на машине времени в какую-то совершенно другую эпоху – помню прекрасно! А содержание монолога – нет. Если бы тогда взять пример с Мариэтты Омаровны Чудаковой и по приезде домой все записать! Но увы...

Потом Бахтина перевезли из Гривно в Переделкино, и туда – на сей раз не холодной зимой, а очень жарким летним днем – мне поручили отвезти ему инвалидное кресло (у него ведь была ампутирована нога). Не скажу, чтобы это у меня получилось очень удачно: опыта не было, и мы с креслом все время норовили съехать в кювет. А потом Бахтину выхлопотали отдельную квартиру в писательских домах около

метро «Аэропорт». Елена Александровна к этому времени умерла, и Бахтину нашли «домоуправительницу». С виду – да и по характеру – она была совершеннейшая фрекен Бок из мультфильма про Карлсона. В магазин она сама почему-то не ходила (не могла оставить М. М.?), а продуктов ей требовалось какое-то абсолютно раблезианское количество (совершенно очевидно, что сухонький Михаил Михайлович не мог съесть и десятой доли), особенно муки. И вот снабжение этой самой домоуправительницы (мы ее за глаза называли Аграфеной, ей это имя очень шло, хотя, кажется, на самом деле ее звали иначе) было возложено на турбинский семинар, а распределение «дежурств» – на меня, потому что я была «староста». В результате зачастую оказывалось, что все заняты, и снабжением мукой приходилось заниматься мне. Вообще Аграфена исправно исполняла обязанности цербера и молодежь к М. М. допускала очень неохотно: нечего, мол, его утомлять. Но в премию за принесенную муку все-таки минут на десять запускала меня в кабинет. А дальше происходило следующее: М. М. с таким неподдельным интересом начинал расспрашивать меня о моих делах (!), что приходилось что-то отвечать. А задавать ему вопросы было как-то неловко. Так что мемуар под названием «Мои беседы с Бахтиным» написать не могу. В свою защиту могу сказать только одно: чтобы задавать вопросы Бахтину и поддерживать с ним разговор, нужно было хоть сколько-нибудь соответствовать его интеллектуальному уровню. А я ни на чет-

вертом курсе, ни тем более на первом такими способностями, конечно, не обладала.

Школа, аспирантура, Шатобриан, Профком литераторов

Многое в моей жизни выросло из случайностей, но потом стало, выражаясь высокопарно, судьбой. Например, иногда спрашивают: а почему вы стали заниматься французской литературой? — А только потому, что родители — опять-таки спасибо им! — определили меня в так называемую «французскую спецшколу». Тогда, в 1960 году, когда я пошла в первый класс, в обычных школах иностранный язык начинали преподавать с пятого класса и преподавали, как правило, плохо. А в «спецшколах», которых на всю Москву была, наверное, пара десятков, язык (английский, французский или немецкий) преподавали со второго класса и преподавали хорошо. Во всяком случае, в нашей «спецшколе номер 2 имени Ромена Роллана с углубленным изучением французского языка» (официальное название) — точно хорошо. Нас учили дамы, которые во Франции или не были никогда, или были однажды несколько дней, но тем не менее язык знали хорошо, а главное, они умели учить. Если мне во Франции делают комплимент по поводу моего французского и спрашивают: «А где вы выучили язык?», я всегда честно отвечаю: «В школе». Хотя на филфаке французский преподавали тоже очень хорошо. Но база была заложена в школе. Кстати о Ромене Роллане: когда я однажды в Париже ответила на вопрос о

том, где я учила язык, более распространено: в школе имени Ромена Роллана, это произвело среди французских коллег настоящую сенсацию. Хозяин дома стал подзывать друзей: смотрите, смотрите, в Москве знают Ромена Роллана. Я удивилась: а во Франции, что ли, не знают? И получила ответ, что во Франции его давно забыли, а помнят только те, кто в юности был коммунистом.

Ну вот, как я начала учить французский во втором классе, так с тех пор и осталась «при французской литературе». И когда я в 1975 году поступила в аспирантуру, тема моей диссертации тоже определилась случайно — а потом оказалось, что и это практически на всю жизнь. В аспирантуру меня взяли на кафедру истории русской литературы; я всегда в шутку говорю, как гувернантку — за знание французского языка. Заведующий кафедрой профессор Василий Иванович Кулешов как раз выпустил «Историю русской критики» и обратил внимание на такой странный факт: в русских журналах начала 1800-х годов все захлеб пишут про какого-то Шатобриана! Хвалят, ругают. А ведь Шатобриан назывался в советском литературоведении «реакционный романтик» (то есть, так сказать, отрицательный герой), переведено было из его произведений в советское время два крохотных текста: «Рене» и «История последнего из Абенсераджей» («Атала» в переводе Э. Линецкой появилась позже, в 1982 году). И Василию Ивановичу стало интересно: вот бы кто-нибудь ему разъяснил, чего они в начале XIX века так

носились с этим Шатобрианом. О котором я, честно сказать, тогда знала немногим больше Кулешова. Но узнать хотела, тем более что я в тот момент уже очень хорошо понимала: заниматься нужно XIX веком, а не XX, потому что, если писать об авторах XX века, придется обязательно занимать «идеологическую позицию», клеймить неугодных авангардистов и проч., а XIX век от этого хотя бы отчасти предохраняет.

И я получила тему «Шатобриан в русской литературе первой половины XIX века». И провела три счастливейших года в библиотеках, читая русские журналы и «вылавливая» оттуда переводы фрагментов из Шатобриана и отзывы о его произведениях. Выловила довольно много (в библиографии их насчитывается целых 202), хотя, как сейчас становится ясно, далеко не все. В 1979 году защитилась – и тут выяснилось, что никто не рвется меня никуда брать на службу. А «свободные художники» в советское время не поощрялись. Что ты делаешь, не важно, но важно, чтобы ты где-то числился. И вот для таких отщепенцев, которые нигде не служат и сами что-то зарабатывают литературным трудом, была придумана волшебная организация под названием Профессиональный комитет (сокращенно Профком) литераторов. Их было в Москве даже несколько, наш считался «при издательстве „Советский писатель“», хотя никакого реального отношения к издательству не имел, и я, например, никогда его порога не переступала. Профком этот ничего не давал, кроме официальной справки, что ты не тунеядец. Но он ниче-

го и не требовал, кроме опять-таки справки (единожды, при поступлении), что ты зарабатываешь литературным трудом минимальную зарплату (больше уборщицы, но меньше инженера). А я уже к тому времени сочиняла рефераты литературоведческих французских книг для реферативного журнала ИНИОНа и справку представить могла. И в результате до 2006 года, когда я поступила на полставки в Институт высших гуманитарных исследований РГГУ, я ни дня нигде не служила, трудовой книжки не имела и зарплаты, как уже было сказано, не получала, а только гонорары за сделанную работу, и когда мне эту самую зарплату начали платить, я это воспринимала как некое чудо: еще ничего не сделала, а уже платят?!

Первый перевод: «Пена дней» Бориса Виана

В общем, после окончания аспирантуры ничто мне не мешало спокойно заниматься переводами и комментариями. Но переводить я начала еще на четвертом курсе. Причем ни о какой публикации я не помышляла, а импульс был только один – дать возможность друзьям, которые не знают французского, прочесть книгу, которая меня самую поразила до глубины души. А книга эта была роман Бориса Виана «Пена дней». В 1974 году, в эпоху советского застоя (хотя мы тогда не знали, что это так называется), мне в руки попадает книга, где эстетика «черного» мультфильма перемешана с эстетикой пасторали, где популярнейший философ Жан-Соль Партр (именно так вместо, разумеется, Жана-Поля Сартра) приезжает на лекцию на слоне, где угря на обед достают из водопроводного крана, где действует машина пьяноктейль (играешь на пианино, а оно смешивает тебе коктейль в соответствии с мелодией), а в груди у героини вырастает кувшинка и ее убивает. Это было что-то немыслимое, непредставимое. И нужно было немедленно этим поделиться с близкими людьми. И я, в общем ничего не смысля в переводе, уехала на каникулах переводить эту книгу, полную реалий современной французской жизни, мне совершенно не известных, и разных каламбуров, трудно передаваемых по-русски

(да и все ли их я заметила?). Но это сейчас я могу оценить все трудности, какими чреват такой перевод. А тогда я просто удовлетворяла свою прихоть. И удовлетворила довольно быстро, и перевод свой, напечатанный на машинке, дала почитать десятку друзей, не больше. Позже «Пена дней» вышла даже в нескольких переводах профессиональных переводчиков, а мой мне уже в 1990-е годы предложили переиздать, но я не согласилась. Для этого нужно было бы его весь заново переправить – а зачем? Но самое-то удивительное, что, оказывается, мой перевод читали не только мои друзья, но и совершенно незнакомые люди, и где-то едва ли не в 2000-е годы я с изумлением прочла в статье Марии Львовны Аннинской, посвященной «русскому Виану», что «в 70-е годы в самиздате ходил перевод Веры Мильчиной». То есть я, оказывается, сама того не зная, «распространялась» в самиздате! Я потом так же, для себя и для друзей, и пьесы Ионеско, и пьесы того же Виана переводила, но насчет их хождения в самиздате ничего не знаю.

«Эстетика раннего французского романтизма» и труп марксистско-ленинского эстетика

А первым моим печатным большим переводом стала ни много ни мало книга «Эстетика раннего французского романтизма», которая вышла в 1982 году в издательстве «Искусство» в серии «История эстетики в памятниках и документах», в народе именовавшейся «серия с мужиком», потому что ее эмблемой дизайнер Аркадий Троянкер сделал вариацию на тему «витрувианского человека» Леонардо да Винчи. Перевели мы эту книгу вместе с уже упоминавшейся Олей Гринберг (ее, к огромному сожалению, не стало в 2008 году), и это были наши «ланкастерские взаимные обучения». Мы никогда не ходили ни в какой переводческий семинар и осваивали перевод на практике, свирепо исправляя друг друга. В оглавлении про одни произведения сказано, что их переводила Оля, а про другие – что я, но на самом деле мы все переводили вместе, а записывали таким образом, исходя из кем-то сообщенного известия, что в Союз писателей не принимают за переводы, сделанные в соавторстве. Нас бы туда в любом случае не приняли, но мы все-таки подготовились. А состав книги (это, как и комментарии, и вступительная статья, была моя сфера) вырос из моих за-

нятий Шатобрианом. В сборник вошли сочинения двух писателей, вообще неизвестных у нас не только широкой, но и узкой публике: Пьера-Симона Балланша и Жозефа Жубера (оба – друзья Шатобриана, но славные не только этим), три статьи Бенжамена Констан (про него хоть кто-то слышал) и, главное, две части из большого трактата Шатобриана «Гений христианства». Они в самом деле посвящены литературе и искусству. Но в 1982 году христианство, с гением или без оно, вовсе не поощрялось, и примерно те же люди, что сейчас рьяно отстаивают интересы верующих, тогда занимали совершенно противоположную позицию. И я очень горжусь тем, что, когда книга уже вышла, председатель редколлегии серии, маститый марксистско-ленинский эстетик Овсянников сказал, как передали нам с Олей наши добрые друзья, что вышла наша книга только потому, что он, Овсянников, во время утверждения редакционного плана болел. А иначе бы – только через его труп. Причем мы были в отличной компании: вторая такая книга, которая «только через его труп», был том «Эстетических фрагментов» Петрарки в переводе В. Биbihина. А добрых друзей, благодаря которым крамольный христианский Шатобриан и его «подельники» смогли выйти из печати, я с удовольствием назову: это ныне здравствующий Сергей Михайлович Александров и, увы, покойный Владимир Сергеевич Походаев, который был редактором книги. Но, наверное, и им бы ничего не удалось, если бы крамольный Шатобриан не был прикрыт туманно-нейтраль-

ным названием тома – «Эстетика раннего французского романтизма». Вписывания в предисловие цитаты из Энгельса оказалось бы недостаточно (цитата, впрочем, была вполне «вегетарианская»; Походаев мне ее и подсказал).

Скажу еще два слова о том включенном в книгу авторе, о котором уже упомянула. Это Жозеф Жубер (1754–1824). Он при жизни практически ничего не напечатал, но всю жизнь записывал некие размышления, которые совершенно не похожи на отточенные французские максимы XVII века вроде Ларошфуко, а... вообще ни на что не похожи. Вот, например, он записывает: «Гвоздь, чтобы вешать на него свои мысли». Или: «Весталка, изваянная лишь по пояс. Остальное – камень» (сейчас, в эпоху семинаров и конференций по зуму, мы все уподобились таким весталкам; но хочется надеяться, что остальное все-таки не камень). Наша книга вышла в 1982 году, а в 1983 году известный американский писатель и переводчик Пол Остер выпустил перевод Жубера на английский. Он, правда, свой напечатал с послесловием Мориса Бланшо, – но все-таки на год позже нашего. А пару лет назад я случайно прочла в каком-то интервью Марии Степановой, что она читает этого Жубера в переводе Остера. Про нашего Жубера она явно не знала; теперь знает, потому что я передала ей наш том.

А с Шатобрианом я так и не рассталась, и в 1995 году мы с Олей выпустили в Издательстве имени Сабашниковых перевод его самой замечательной книги «Замогильные запис-

ки». Перевод, правда, неполный (книга слишком огромная, заняла бы целых три тома, издательство этого бы не осилило), но все купюры отмечены, и все-таки представление о главном сочинении Шатобриана русский читатель теперь получить может. Когда я много позже давала интервью газете *Le Courrier de Russie*, выходящей на французском языке в Москве, журналист меня много расспрашивал про мои занятия Шатобрианом (поскольку для французов он очень почитаемый классик), и я сказала фразу, которую в результате сделали заглавием интервью: «Я провела часть своей жизни с Шатобрианом».

Мой «роман» с Шатобрианом начался со случайности – любознательности Василия Ивановича Кулешова, и я ему до сих пор за это благодарна.

«Роман» с Бальзаком

А другой мой «роман», пожалуй, еще более длительный и интенсивный – с Бальзаком, – начался тоже со случайности. В издательстве «Художественная литература» собрались выпустить том «Бальзак в воспоминаниях современников». Он был составлен и переведен – но Ирина Александровна Лилеева, которая должна была делать комментарии, скоропостижно скончалась, не успев написать ни строчки. А поскольку я до этого сделала для того же «Худлита» примечания к переписке Флобера, то начальство решило, что можно мне доверить Бальзака. И я погрузилась в его биографию, в какие-то мелкие обстоятельства его отношений с родственниками и писателями-современниками, а главное, в идентификацию цитат из его романов и рассказов (а их в «Человеческой комедии» без малого сотня). Сейчас это никакой бы проблемы не составило: все тексты Бальзака есть в интернете, «забиваешь» цитату в гугл, и все выясняется. А тогда приходилось их искать «вручную» в текстах и, если не найдешь точный текст, писать позорное «возможно, имеется в виду». Занимаясь этим комментированием, я не только по-человечески привязалась к Бальзаку, потому что он был, в сущности, ужасно трогательный и какой-то «детский» человек, но и выяснила интересную деталь: идея, что вся «Человеческая комедия» переведена на русский язык, — это один

из тех мифов, которым не стоит доверять. И в результате мы с Олей в 1989 году выпустили два его романа, из которых один, «Урсула Мируэ», не переводился вообще никогда, а другой, «Воспоминания двух юных жен», единственный раз вышел на русском в конце XIX века. Потом мы вместе перевели «Трактат об элегантной жизни», я перевела «Физиологию брака», а Оля – «Теорию походки» и «Трактат о современных возбуждающих средствах» (это все в одном томе выпустило в 1995 году «Новое литературное обозрение»), потом нашелся еще один роман и несколько рассказов непереведенных, и кончилось все тем, что совсем уже недавно, в 2017 году, в том же «Новом литературном обозрении» вышел том, в который вошла «Физиология брака» (кое-что я в своем переводе 1995 года исправила – по прошествии 20 лет сама с некоторыми своими прежними решениями не согласилась) и ее своеобразное продолжение – «Мелкие неприятности супружеской жизни», которые горячо рекомендую всем, и состоящим в браке, и не состоящим. Чтение местами очень смешное, а местами – чрезвычайно поучительное. Не говоря уже о том, что в предисловии ко второй части Бальзак походя сформулировал всю современную теорию интертекстуальности: «Одни книги линяют на другие»!

Между прочим, эти самые «Мелкие неприятности» уже были переведены на русский язык, причем не кем-нибудь, а бабушкой Блока Елизаветой Григорьевной Бекетовой. Но вышел этот перевод больше века назад, в 1899 году, и, как в

любом переводе, многое в нем устарело, а некоторые фразы звучат для современного уха просто смешно (например, вместо «не надо горячиться» там стоит «с чего же ты пылишь»). Так что я сочла себя вправе перевести книгу заново и, пока этим занималась, на вопрос: «Чем вы сейчас занимаетесь?» отвечала гордо: «Соперничаю с бабушкой Блока!»

«Эпопея» с Кюстином: павловская денежная реформа, четыре русских издания и одно французское

Еще один уже даже не роман, а, можно сказать, эпопея всей моей жизни – история с книгой Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году». Поскольку Кюстин ухитрился так описать Россию при Николае I, что книга продолжала оставаться нестерпимо обличительной и при следующих императорах, и при Сталине, и при Брежневе, ее в России как запретили сразу после выхода парижского издания 1843 года, так и не разрешали до конца XIX века; потом ненадолго разрешили, в 1930 году вышел сильно сокращенный перевод, но очень скоро его убрали в спецхран (где книгу в библиотеке можно было получить только по официальной бумаге с печатью, удостоверявшей, что тебе – исключительно для научных целей – можно доверить какую-нибудь антисоветчину). И этот сокращенный перевод распространяли в виде самиздатовских ксерокопий, а полного так и не существовало. И вот – в сущности тоже случайность – писатель Виктор Ерофеев решил такой полный перевод инициировать. И позвал в качестве потенциального переводчика Сергея Николаевича Зенкина, а в качестве потенциального комментатора Александра Львовича Осповата. Они позвали меня, а

также двух переводчиц – Ирину Карловну Стаф и уже многократно упоминавшуюся Олю, Ольгу Эммануиловну Гринберг. Издательство «Интербук» заключило с нами договор и даже – о чудо! – выплатило нам аванс. Благодаря этому авансу точно можно восстановить дату, когда это чудо свершилось. Не все помнят, а кто-то, кого тогда еще не было на свете, и не знает, что в январе 1991 года была проведена так называемая павловская (по имени премьер-министра тогда еще существовавшего Советского Союза Валентина Павлова) денежная реформа, которая состояла в изъятии из обращения 50- и 100-рублевых купюр. Их можно было обменять на более мелкие, но всего за три дня и на общую сумму не более тысячи рублей. Легко вообразить, какой поднялся ажиотаж вокруг этого обмена. Так вот, к нам это имело непосредственное отношение, потому что вышеупомянутый аванс нам выплатили буквально накануне реформы (которая, разумеется, хранилась в глубокой тайне), причем сначала заплатили троим переводчикам, и чуть не всю сумму мелкими металлическими монетами, а потом нам с Осповатом, комментаторам, – пятидесятирублевыми купюрами. Мы еще легкомысленно потешались над этими бедолагами, которые железо должны в мешках переносить на своем горбу. А когда оказалось, что от пятидесятирублевых купюр нужно стремительно избавляться, – вот тут уже «бедолаги» имели право потешаться над нами. Впрочем, не так уж много там было денег, внакладе, насколько помню, никто не остался, а изда-

ние – не состоялось. Не состоялось тогда, но мы (в том же составе, но уже без Ерофеева) продолжили работу для другого издательства – имени Сабашниковых, и в 1996 году вышел в двух томах первый полный комментированный перевод знаменитой книги Кюстина. Причем комментарии там по объему равнялись трети авторского текста. С тех пор «Россия в 1839 году» выходила на русском еще три раза: в 2000 году в московском издательстве «Терра», в 2008 году в Санкт-Петербургском издательстве «Крига», в 2020 году в Санкт-Петербургском издательстве «Азбука-Аттикус». Причем перевод-то оставался без изменений, а вот комментарии все время хотелось дополнить, исправить, улучшить. Сначала мы этим занимались вместе с Осповатом, а потом уже я одна с его благословения. А вдобавок в 2015 году я выпустила в Парижском издательстве Classiques Garnier эту же книгу с комментариями по-французски. А поскольку к этому времени интернет-поиск существенно расширил комментаторские возможности, то французское издание было гораздо полнее, чем предыдущее русское (2008). Так что последнее русское издание (2020 года), дополненное сведениями из французского, – самое полное и на данный момент самое исправное. В общем, выходит, что я занимаюсь этим Кюстином, с перерывами, 30 лет – и не поручусь, что, если его еще кто-нибудь захочет переиздать, я еще что-нибудь не исправлю и не допишу.

Некоторые «цепочки» моих изданий начались благодаря

советам французских друзей. Кстати, и комментирование французского Кюстина мне доверили потому, что моя добрая приятельница историк Доминик Лиштенан, которая сама когда-то написала отличную книгу о Кюстине-путешественнике (а я перевела другую ее книгу – «Россия входит в Европу. Императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство. 1740–1750. М.: О. Г. И., 2000), меня порекомендовала Жаку Дюпону, куратору собрания сочинений Кюстина. Он, надо сказать, сначала смотрел на меня с большим скепсисом: какая-то женщина из России хочет комментировать по-французски нашего французского Кюстина; стоит ли связываться? Но когда я ему прислала пробный комментарий к двум письмам, он написал мне фразу, которой я до сих пор горжусь; в дословном переводе: «Здесь на ближайшие 30 лет вся трава вытоптана». А в вольном: «Здесь уже больше нечего ловить». Хотя после этого работа продолжалась еще лет пять, и я еще очень многое «выловила», о чем не подозревала (и никто не подозревал), а Жак мне очень помогал советами.

Тут надо пояснить, что серия *Classiques Garnier*, в которой вышел мой Кюстин, – одна из двух самых знаменитых и самых престижных французских серий, в которых классика издается с подробными комментариями (вторая – *Bibliothèque de la Pléiade*). Книги *Classiques Garnier* можно узнать издалека по ярко-желтым обложкам. В советское время книги из этой «желтой» серии иногда попадались мне –

и это была большая удача! – в упоминавшемся уже букинистическом на улице Качалова. Но вообразить, что я сама буду издаваться в этой серии, – тогда это казалось совершенно невозможным!

Визит к фабриканту шампанского

И еще одно сильное французское впечатление, связанное с Кюстином. Кто-то – по-видимому из посольства Франции в Москве – подсказал директору Издательства имени Сабашниковых Сергею Артюхову, что на первое издание русского Кюстина можно получить субсидию в фонде парижского фабриканта шампанского. И поскольку я в этот момент (год, видимо, был 1995-й) была в Париже на какой-то конференции, Сергей Михайлович возложил на меня важную миссию – побывать у фабриканта и постараться его убедить помочь издательству. Не то чтобы я каждый день беседовала с фабрикантами шампанского и перед визитом очень волновалась. Предварительно созвонившись, пришла, поднялась на нужный этаж, а там на одной двери, слева, была табличка с именем того фабриканта, к которому шла я, а на другой, справа, – «Вдова Клико». Это меня взволновало еще больше. Но когда я оказалась внутри и начался разговор с фабрикантом – немолодым господином «с раньшего времени», – волнение прошло и сменилось восторгом: честно скажу, в такой интеллектуальной и вместе с тем очень естественной беседе мне редко когда приходилось участвовать. Казалось, что я на полчаса попала в атмосферу тех парижских салонов XIX века, о которых потом много писала в своих статьях и комментариях. А на обороте титула первого издания «Рос-

сии в 1839 году» помимо благодарности посольству Франции в Москве и французскому Министерству иностранных дел значится: «Издание подготовлено при поддержке Фонда „Обретенная книга“, учрежденного фирмой шампанских вин Анрио (Франция)».

Идите обязательно!

И еще одно воспоминание, связанное с изданием Кюстина. Французы в XX веке отнеслись к этому автору не слишком почтительно и несколько раз переиздали его «Россию в 1839 году» не полностью, а с немалыми пропусками. И даже название изменили: книга у них называлась то «Путешествие в Россию», то «Письма из России» (очевидно, публикаторы боялись, что старинная дата отпугнет современного читателя). Один-единственный издатель выпустил «Россию в 1839 году» в полном виде и под подлинным названием. Это Мишель Парфеноф, глава маленького издательства Solin. Я знала про это издание, вышедшее в 1990 году, но у меня его не было. Казалось бы, вполне естественно попросить у издателя. Но я с ним не знакома. И как-то неудобно кланяться. Но книга-то нужна. И адрес издательства известен – прямо в самом центре Латинского квартала. И вот, оказавшись в Париже, иду я в сторону этого издательства. Иду, как выражались в старинных романах, объятая сомнениями. Не знаю, дошла бы или струсилась и свернула на полпути. Но как раз на полпути я встретила – совершенно неожиданно – Мариэтту Омаровну Чудакову. Немножко поговорили, и я ей сказала, что вот, мол, не знаю, идти мне к незнакомому издателю или нет. Она даже не поняла, в чем проблема. «Идите обязательно, сейчас же!» Она это произнесла с такой убе-

длительностью, с такой силой, что мне уже не оставалось ничего другого, как пойти. А когда я оказалась в издательстве и увидела, что это две маленькие комнаты, сплошь заваленные книгами и рукописями, которые при малейшей попытке что-то достать падают на пол и на головы присутствующим, стало понятно, что вот такое парижское издательство – это совсем не страшно. И Мишель Парфеноф (родившийся во Франции, но с русскими корнями) оказался милейшим человеком. Свое издание Кюстина мне немедленно подарил, познакомил меня с тогдашним главным специалистом по Кюстину Жюльеном-Фредериком Тарном, рассказал массу историй про парижскую книжную индустрию (которую знает, как таблицу умножения) и даже сводил однажды в парижский *bar à vin* (винный бар), где я в первый и последний раз в жизни ощутила разницу не только между красными винами, но и между одним и тем же красным вином, выпитым до и после еды. И все это – благодаря тому, что Мариэтта Омаровна сказала: идите обязательно!

Книги о парижской повседневности: Мартен-Фюжье, Дельфина де Жирарден, Гримо де Ла Реньер, «Сцены частной и общественной жизни животных»

Мой французский друг, историк и превосходный переводчик с русского на французский Владимир Берелович в 1994 году сказал мне: «Вы, Вера, занимаетесь первой половиной XIX века, смотрите, вот интересная книга!» А эта книга была «Элегантная жизнь, или Как возник „весь Париж“. 1815–1848» Анны Мартен-Фюжье – исчерпывающее, точное, колоритное и умное исследование парижской светской жизни. И, прочтя его, я, конечно, захотела его перевести – и мы, опять-таки с Олей Гринберг, – эту книгу выпустили в 1998 году в Издательстве имени Сабашниковых. И я потом слышала от музейных работников, что они ее читают и очень ценят. А у Мартен-Фюжье одна из главных, если можно так сказать о давно умершей писательнице, информаторш – Дельфина де Жирарден, которая с 1836 по 1848 год печатала в газете своего мужа «Пресса» под псевдонимом Виконт де Лоне остроумнейшую светскую хронику, которая выходила еще при жизни Жирарден отдельным изданием, а в наше

время ее переиздала как раз Мартен-Фюжье. И я влюбилась в эти очерки Дельфины и стала их переводить – просто для себя, для собственного удовольствия. А потом предложила их Дине Годер для сайта «Стенгазета». И Дина вывесила их там два или три десятка. Так что когда Ирина Прохорова, глава Издательского дома «Новое литературное обозрение», спросила меня, не хочу ли я у нее что-нибудь издать, я сказала: «Хочу. Дельфину де Жиарден». Ирина Дмитриевна, за что ей большое спасибо, рискнула и издала «молодого автора», никому в России не известного, – Дельфину де Жиарден. Книга под названием «Парижские письма виконта де Лоне» вышла в 2009 году (к сожалению, тогда еще не в моей любимой серии «Культура повседневности», для которой я потом сделала еще семь книг, а сейчас перевела восьмую), и самая приятная вещь, которую я про нее прочла, был блог двух не знакомых мне японистов, мужа и жены, в «Живом журнале»: «Мы никогда не думали, что будем не отрываясь читать про моды XIX века, но вот – читаем». На самом деле там далеко не только про моды, а еще и про человеческие характеры и формы поведения людей в свете.

Дельфину де Жиарден можно считать основоположницей французской светской хроники. Я стала думать: что бы такое предложить издательству «конгениальное»? И предложила «Альманах Гурманов» еще одного «молодого, неизвестного автора» – Александра Гримо де Ла Реньера (1758–1837). Эта книга (8 томов малого формата) вышла на три

десяток лет раньше, чем хроники виконта де Лоне (в 1803–1812 годах), и автор ее по праву считается основоположником кулинарной критики. Он придумал оценивать в своем альманахе продуктовые магазины и рестораны (еще не мишленовскими звездочками, а хвалебными или критическими словесными отзывами), учредил для этих оценок «гурманский суд присяжных», которому парижские рестораторы и торговцы представляли образцы своей продукции (Гримо называл их «верительными грамотами»), и реабилитировал само слово «гурман», прежде определявшееся как «животное, которое ест жадно и неумеренно». А главное, он писал о еде и поведении за столом блистательную прозу, которую переводить и, главное, комментировать было не всегда легко (слишком много старинных гастрономических реалий), но всегда приятно.

«Альманах Гурманов» вышел уже в серии «Культура повседневности». И в этой же серии в 2015 году вышла совсем необычная книга, которую я тоже нежно люблю, – сборник «Сцены частной и общественной жизни животных». Эта книга о том, как животные в зверинце парижского Ботанического сада решили совершить революцию и «эмансипироваться» от человека, но потом сошлись на более мягком варианте – каждый напишет свою историю, и люди поймут, как сильно они недооценивают животных. И в результате Бальзак, Мюссе и другие авторы написали рассказы от лица Медведя-байрониста, Зайца-конформиста, Крокодила-эпи-

курейца, Пуделя – театрального критика и многих других не менее экзотических личностей, а нарисовал их всех в виде фигур с человеческими телами и звериными головами гениальный рисовальщик Гранвиль, и эту книгу следует взять в руки хотя бы для того, чтобы полюбоваться его рисунками.

Книги о Париже

А параллельно развивалась история с Парижем. Тоже случайность своего рода: некий издатель решил издавать серию «История городов». И поручил составление той части, что касается Парижа в разные эпохи, моему коллеге и доброму другу Сергею Яковлевичу Карпу. А Карп поручил мне написать историю Парижа 1814–1848 годов. Я написала. Ее даже сверстали. Верстка, правда, была некрасивая, формат громоздкий, виньетки старомодные и бессмысленные. Но, главное, на том дело остановилось и несколько лет никуда не двигалось. И мне стало очень обидно, что книга лежит без движения. Я поделилась этой обидой с сыном, и мой мудрый сын сказал мне то, что, в сущности, я и сама должна была сообразить: «А почему ты не хочешь предложить эту книгу Ирине Дмитриевне?» Я предложила, Ирина Дмитриевна согласилась, прежний издатель неохотно, но договор со мной расторг (тем более что срок его все равно уже истек), и вместо книги некрасивой и неуклюжей вышла книга «Париж в 1814–1848 годах: повседневная жизнь», хоть и толстая (900 с лишним страниц), но изящная и прекрасно набранная верстальщиком Дмитрием Макаровским, с которым я с тех пор делаю все книги в «Новом литературном обозрении» и, что называется, горя не знаю. Это было в 2013 году, а через пару лет все повторилось сначала. Дело в том, что для того несо-

стоявшегося издания был еще заказан перечень парижских улиц с историями их названий. И его я тоже написала. Книга про Париж вышла, а перечень улиц остался неизданным. В результате я подождала-подождала и опять предложила книгу про названия улиц Ирине Дмитриевне, она опять согласилась, и в 2016 году вышел томик (потомыше «Парижа»): «Имена парижских улиц. Путеводитель по названиям». И я знаю, что некоторые люди им в самом деле пользуются как путеводителем, хотя там нет ничего про достопримечательности, а только история названий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.